

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР СЕКТОРА ЭТИКИ

20 мая 2014 – 16:00

Обсуждение книги А.В. Прокофьева «Воздавать каждому должное... Введение в теорию справедливости»

Вступительное слово автора

I

Замысел книги связан с достижением двух целей. Во-первых, хотелось систематизировать некое смысловое и исследовательское пространство. Есть центральное для морали понятие, есть много практических проблем, которые рассматриваются в его перспективе, есть историческая традиция его анализа и огромный пласт современных исследований (к сожалению, в основном, не русскоязычных). При том, что принято говорить о тяготении русской культуры и русской ментальности к ценности справедливости, представления о ней размыты, апелляции к ней в политике носят в основном риторический характер, а исследовательская рефлексия очень слаба. Смысл задуманной мной систематизации довольно прост – для себя и в просветительских целях. Сегодня человек, который начинает заниматься социально-этической проблематикой, теорией справедливости и ее проекцией на общественную практику не имеет достаточного количества русскоязычных текстов, вводящих в курс дела. Я сталкивался с этой проблемой сам лет пятнадцать назад как исследователь. Я столкнулся с ней же спустя десять лет в связи с преподаванием курсов «Современная теория справедливости» и «Политическая этика» в МГУ. Собственно у книги структура точно такая же, как у курса «Современная теория справедливости», и не случайно подзаголовок книги содержит слово «введение». Кстати, курс в течение пяти лет сохранял название «Современная теория справедливости» только в силу бюрократической инерции, по содержанию это было именно введение в проблематику социальной этики на основе анализа понятия «справедливость».

Во-вторых, мне хотелось не просто систематизировать это смысловое пространство, но сделать это так, чтобы не упустить его сложность и неоднозначность. Сложность и неоднозначность, которые существуют в самой по себе сфере нормативных представлений, а также сложность и неоднозначность, которые присутствуют в рамках теоретического осмысления справедливости. Если в университетском курсе для меня было важно обозначить основные силовые линии, то в книге есть много подробностей, из которых формируется довольно изощренный, сложносоставной и многоступенчатый теоретический дискурс справедливости. Я воспроизвожу их и пытаюсь на них отозваться в порядке критики, присоединения, синтеза, в зависимости от своего отношения к тем или иным проблемам и позициям. Как вы, конечно, заметили, книга не предлагает читателю какой-то монолитной теории, ключа к решению всех проблем, однако, она представляет собой не просто реконструкцию состояния дел в частной этической дисциплине. Это выражение и обобщение моего исследовательского опыта (который, к счастью или к сожалению является в большей мере опытом критического анализа, а не системостроительства).

II

По своему жанру книга представляет собой аналитический портрет ценностно-нормативного понятия. Ее основной общий вопрос: «что такое справедливость?» и он по ходу исследования порождает ряд частных вопросов, без ответа на которые портрет оставался бы неполным. Я не буду подробно характеризовать разделы книги, тем более,

что два из них были довольно подробно представлены в моих выступлениях на этом семинаре в 2012–2013 гг. Но какие-то моменты я хотел бы сегодня проговорить.

В дефинитивной части (то есть в главах I и III первого раздела книги) для меня оказались центральными несколько обстоятельств

Во-первых, то, что справедливость как ценность (в более ранних философских текстах как добродетель) столь двойственно оценивается в этической мысли (с одной стороны, Юм с его эпитетами «осторожная», «ревнивая», «менее благородная», а с другой – все те, кто воспроизводят аристотелевскую панегирическую характеристику справедливости). Не случайно с этого начинается введение в книгу. Мне кажется, что одного объяснения в этом случае быть не может. Причины амбивалентного отношения к справедливости различны: это и ее специфическое положение среди других ценностно-нормативных понятий (ведь именно она санкционирует ограниченное, вынужденное допущение тех форм поведения, которые противоречат нормативному ядру морали), это и напряжение, существующее между разными концентрическими смыслами понятия «справедливость», сосуществующими в живом словоупотреблении, и даже некоторые ошибочные интерпретации нормативного содержания справедливости.

Во-вторых, я не мог не отметить сложные отношения между справедливостью и базовым для морали запретом на инициативное применение силы, шире – на инициативное причинение вреда. Является ли этот запрет требованием справедливости или о справедливости речь заходит лишь тогда, когда мы обсуждаем те действия, которые служат реакцией на его нарушение? В категориях, имплицитно заложенных в рассуждении Цицерона, этот вопрос можно выразить так: существует ли пассивная справедливость, наряду с активной? Для меня она существует, и запрет на применение силы в его деабсолютизированной форме выступает как важное основание справедливости, несмотря на то, что «активная справедливость», поддерживающая исполнение этого запрета, может проявляться именно в ответных или упреждающих силовых действиях. Таким образом, с моей точки зрения, справедливость делит нормативное пространство морали с любовью (или заботой), а также некоторыми требованиями, касающимися отношения уже не к другому человеку, а к самому себе. Поэтому абсолютизация запрета на применение силы для меня выступает как устранение собственного пространства справедливости, как неоправданная вивисекция нравственного опыта.

В-третьих, я не мог обойти тот факт, что справедливость часто характеризуется как добродетель институтов. Эта характеристика принадлежит Дж.Ролзу, но по большому счету ее мог бы разделить и Д.Юм, сконцентрировавший свое понимание справедливости на отношениях собственности, и многие другие мыслители. В том же русле находится тезис С.К., о том, что нам может быть следует отдать справедливость в епархию правоведов, которые как раз рассматривают институциональные структуры, а не требования к личности. Мне хотелось показать, что не так или не совсем так. И здесь я всецело солидаризируюсь со Смитом, который говорит о возможных трансформациях естественной честности с помощью общественных институтов, но предостерегает при этом от понимания опыта справедливости как совокупности вторичных переживаний, сформировавшихся в связи с функционированием этих институтов. Солидаризируюсь я и с теми современными психологами, которые активно исследуют индивидуально-коммуникативный контекст справедливости. Для них представления о содержательной и процедурной честности регулируют поведение людей в самых разных ситуациях, эти представления формируются в раннем детстве и, конечно, не являются всего лишь слепком с базовых публичных институтов. Некоторые из таких представлений, кстати, рассматриваются как кросскультурные константы и т.д.

Что касается II главы первого раздела, называющейся «Чувство справедливости» и посвященной психологии морали, то я хотел бы сделать пояснение покаянного типа. Она очевидным образом страдает односторонностью. И эту односторонность надо было бы

прямо прокомментировать в тексте. Глава не ставит целью раскрытие всех аспектов чувства справедливости, которое является сложным, неоднородным образованием. Название главы указывает, скорее, на область, в которой разворачивается рассуждение, а не на целостно охваченный рассуждением предмет. В этом смысле я чувствую себя не очень комфортно в связи с возможной реакцией любого психолога, знакомого с большим количеством исследований, посвященных выявлению разных сторон психологического опыта справедливости. Он мог бы упрекнуть меня в избирательности и даже вкусовщине. Почему реактивная и антиальтруистическая составляющая чувства справедливости, а не какие-то иные?

Отчасти это был бы справедливый упрек. Ведь мой интерес к этой тематике исторически возник в связи с чтением философских исследований ресентимента, в том числе работы РГ «Ресентимент и историческая динамика морали», а еще более непосредственно – с лет десять назад состоявшейся беседой с ним по поводу работы П.Стросона «Свобода и негодование». В принципе, у меня мог бы быть иной читательский и коммуникативный опыт. Однако у того, что я фокусирую свое внимание именно на реактивно-антиальтруистической составляющей психологии справедливости, есть и вполне объективные причины, которые ускользают от внимания психологов. Сосредоточенность главы на негодовании и примыкающем к нему комплексе эмоций определяется *не тем*, что чувство справедливости *не включает* иных мотиваций. Просто в отличие от других нравственно значимых переживаний, негодование создает существенную нравственную проблему, противоречие, даже парадокс. Известно, что в рамках моральной системы ценностных координат довольно трудно обосновать реактивные и антиальтруистические *действия*. И данная задача решается за счет того, что подобные действия в некоторых случаях могут быть возведены к благожелательно-беспристрастным переживаниям. Скажем, я вынужден причинить ущерб какому-то человеку, но а) с огромным сожалением, б) ради блага множества других. В случае с негодованием оказывается, что речь идет не только о реактивных и антиальтруистических действиях, но и о переживаниях того же типа. Негодование удовлетворяется посредством причинения вреда другому, его удовлетворение есть либо разрядка болезненного напряжения, связанного с тем, что другой человек не пострадал, либо вообще радость от страдания другого человека. Здесь имеет место заметно большее расхождение с основной ценностной установкой морали, и значит, итоговое согласование с ней оказывается гораздо более сложной задачей. В моей версии оно опирается на моральную психологию и философию А.Смита. Так что для психолога исследование негодования – это одно из направлений работы в ряду прочих, для этика – это центральная болевая точка теории справедливости.

Об остальных разделах совсем коротко.

Проблемы, проанализированные во втором разделе, называемом «Область справедливости», вполне могут рассматриваться вне теоретической рамки, избранной мною, то есть вне вопроса о границах использования принципов справедливости. Однако этот ракурс очень распространен, и я думаю, что всегда остается возможность обратного перевода: то есть описания различных теоретических позиций, не использующих понятия «область справедливости», на теоретический язык, преобладающий в этом разделе.

В моей работе над темой третьего раздела, то есть над историей типологий справедливости, за последний год появилось несколько сюжетов, которые не просто дополняют, но корректируют общую картину, представленную мной. Часть их связана с фигурой Самуэля Пуфендорфа. Я обязуюсь их представить в виде текстов.

Наконец, четвертый раздел построен как совокупность собственно исследовательских и аналитических просветительских текстов. В последних обозначаются позиции, обсуждаются их слабости, но нет итогового авторского вывода. Такого обсуждения вопросов о наказании и справедливом распределении ресурсов. Может быть, когда-нибудь я смогу обсудить данную тематику в сугубо исследовательском ключе.

III

В книге присутствует обсуждение некоторых проблем общественной практики, в отношении которых могут быть избраны те или иные политические стратегии, может быть использован тот или иной дизайн институтов. Нормативно-теоретические позиции, складывающиеся вокруг этих проблем, находят продолжение в практических рекомендациях, которые часто расходятся между собой и довольно существенно. Для того, чтобы подчеркнуть связь теории и практики я акцентировал расхождения в практических выводах из теоретических позиций, а также расхождения между самими теоретическими позициями. Где это проявляется? Например:

1. Позиции либерализма, коммунитаризма и этики заботы в отношении государственной политики в области семейных отношений.

2. Позиции утилитаризма и разных концепций прав человека в отношении объемов сберегательных фондов, создаваемых в интересах будущих поколений.

3. Предложения разных теорий наказания в отношении характера уголовных санкций.

4. Предложения разных теорий распределительной справедливости в отношении дизайна дистрибутивных институтов.

На этой основе может сложиться впечатление, что войны на теоретических фронтах предшествуют политическим дискуссиям по проблемам общественной практики, а то и определяют их. Однако такое впечатление является преувеличенным. Это не совсем так и уж точно – не всегда так. По разным причинам.

Во-первых, для того уровня моральных представлений, который непосредственно соприкасается с практикой некоторые противоречия нормативных оснований, волнующие теоретиков и заставляющие их дискутировать десятилетиями, оказываются не столь важны. Это философ нетерпим к противоречиям и ментально возбуждается при их наличии, а избиратель или политик могут воспринимать их довольно спокойно. Бывает так, что осознание актуализированных теоретиками противоречий ведет к смене убеждений и даже самих институтов или, вернее, способствует ей. Однако это, как правило, связано с изменениями, которые имеют куда более глубокие корни, чем теоретическая рефлексия.

Во-вторых, я почти не затрагивал, причем сознательно не затрагивал, вопрос не о расхождениях, а о точках соприкосновения разных теоретических и нормативно-теоретических позиций. Если говорить в категориях современной литературной ситуации, я не затрагивал работы тех исследователей, которых можно условно назвать «примиренцами». Они демонстрируют, что лишь радикальное и безоглядное следование теоретическим парадигмам ведет к их серьезному противостоянию. Особенно интересна в этом смысле позиция тех, кого следовало бы назвать «практическими примиренцами», то есть тех, кто полагает, что различия между теоретическими позициями стираются, как только мы начинаем искать реалистичные формы их практической реализации. Среди таких исследователей Дж.Сторба или Б.Нортон. Нортон – особенно хороший пример. Я представил в книге дискуссию антропоцентристов и нон-антропоцентристов в теории справедливости. Принято считать, что эти подходы всерьез отличаются по их практическим приложениям: по количеству и составу охраняемых природных объектов, по способам защиты интересов нечеловеческих живых существ и т.д. Нортон, однако, положил немало лет своей жизни на то, чтобы показать, что на практике они имеют тенденцию к конвергенции. Что тот же уровень экологической чувствительности может быть выражен разными теоретическими языками. Нечто подобное делает Сторба для распределительной и воздающей справедливости. Почему об этом нет в тексте? В ходе создания книги я просто понял, что композиционно не смогу изложить позиции в их радикализованном виде, затем в практически опосредствованном (конвергирующем), а

потом еще и отозваться на идею конвергенции (не во всем мне понятную, и не во всем симпатичную).

IV

Предельно сложный вопрос о методологии работы... Методологического единства в книге, конечно, нет. Ее единство задается не столько единообразной методологией, сколько взаимосвязанной тематикой или проблематикой. Но есть какие-то постоянно всплывающие ходы мысли, применение которых для меня обладает наибольшей убедительностью. Прямое их обсуждение присутствует только в 12 главе. Но по ходу исследования они используются довольно часто.

Эти ходы связаны, прежде всего, с проверкой на непротиворечивость и согласованность отдельных нормативных утверждений, которые имеют широкую распространенность и воспроизводятся почти автоматически. В англоязычной литературе для их обозначения часто используется понятие «моральных интуиций». Не интуиции в единственном числе (что предполагало бы систему согласованных самоочевидных утверждений), а именно интуиций во множественном – то есть частных нормативных суждений, отдельных правил, регулирующих действия в ряде схожих между собой ситуаций. Они, как правило, нам знакомы из собственного опыта оценки. Они фиксируются исследованиями того, что часто называется моральное чувство (*moral sense*) или народная моральная психология (*folk moral psychology*). Активно обсуждается степень их универсальности, но трудно сомневаться в их общераспространенности.

В чем ближайшая проблема – они часто несогласованны, они относятся к отдельным типическим случаям, но не ясно, что отличает одну группу случаев от другой не в порядке простого описания состояния дел, а по их моральному смыслу. Это положение является точкой отсчета для определенного понимания того, что делает нормативная этика, в частности, теория справедливости. Она проясняет интуитивные суждения и медирует их противоречия. Она говорит обладателям нравственного сознания: «Приняв во внимание декларируемые Вами убеждения и Ваш опыт моральной оценки конкретных ситуаций, я полагаю, что Ваши убеждения лучше переформулировать *так-то*, а некоторые конкретные суждения скорректировать *таким-то образом*. Если Вы декларировали в виде частных норм *то-то* и на этой основе в ряде предыдущих случаев судили *так-то*, то очень странно, что в этом случае Вы судите *вот так*. Будьте добры, либо измените свое суждение в последнем случае, либо вернитесь к нормативным декларациям и прошлым суждениям для их коррекции». Естественно, что для осуществления этой работы необходимо формулировать принципы большей общности, строить частные объяснительные схемы, соединяющие отдельные интуиции, предъявлять их носителям морального сознания, смотреть, находят ли они отклик и т.д. Ведь как показывают те же исследования по психологии морали, кроме интуитивных представлений о том, что допустимо, недопустимо или обязательно делать в определенной ситуации, в живом нравственном сознании функционируют рудиментарные объяснения – почему это так (то есть не просто нормы, а квази-концепции).

Где это есть в современной этике? Например, у Ролза в концепции рефлексивного равновесия. В исследованиях, связанных с использованием мысленного моделирования рядов, состоящих из отличающихся друг от друга кейсов (таких как ряд, связанный с *Trolley problem*, или биоэтические ряды). Какой смысл выстраивания таких рядов? – поиск тех общих принципов, которые отвечали бы всему разнообразию схожих и несхожих между собой кейсов. Теоретики устанавливают единую структуру некоторых ситуаций, которые по-разному оцениваются в живом моральном опыте, или выявляют разную структуру тех ситуаций, которые вызывают одинаковую оценку. Выводы своих исследований они предъявляют в виде претензий к согласованности бытующих суждений и в виде предложений по их согласованию. Поэтому иногда такую методологию называют

когерентизмом. Так вот мои рассуждения о справедливости часто приобретают когерентистский характер.

В этой среде есть более и менее консервативный подход к исходным моральным убеждениям. Например, Ф.Кэмм очень консервативна (ее тезис: «если я обнаруживаю частный принцип, который по видимости объясняет мои суждения по поводу определенного кейса и при этом моей первой реакцией на данный принцип оказывается вопрос: “Как *это (!)* может иметь какое-то значение?”», то моей следующей реакцией бывает: “Я должна поразмышлять об этом глубже, потому что, похоже, я что-то упустила”»). Ролзианцы менее консервативны. Я скорее менее консервативен.

Есть и противоположный подход, который подчас называют дедуктивистским. Он предполагает возможность формулирования ряда аксиоматических нормативных положений, из которых выводится система вторичных, конкретизированных требований для тех или иных практических контекстов. По принципу утилитаристского расчета применительно к нормам или отдельным решениям или по принципу кантовской дедукции обязанностей. Моя доморощенная методология или вернее способы решения отдельных проблем *не совсем* чужды этому варианту рассуждения. Однако он проявляется в каких-то смягченных формах. Частные нормативные положения я пытаюсь оценивать и соотносить между собой на фоне некоторых силовых линий, которые заданы моралью как таковой. И мое представление о морали довольно тривиально. Оно завязано на идею самостоятельной, неинструментальной ценности блага другого человека. Деятельность, имеющая целью это благо, это деятельность, воплощающая такие предельно общие принципы как не вреди, помогай и заботься. Результаты различных согласований частных нормативных интуиций, на мой взгляд, не должны уходить за пределы этих принципов, не должны выглядеть экстравагантно на их фоне.

Для подобной методологии существенные затруднения возникают в связи с необходимостью работать с тематикой, в которой имеют место значительные нормативные изменения. Вопросы о моральном статусе нечеловеческих живых существ и будущих поколений, а также вопросы, связанные с гендерной проблематикой, именно таковы. Здесь применение дедуктивистского подхода приобретает дополнительные основания.

Следует упомянуть вопрос о роли для теории справедливости фактических данных и выводов тех дисциплин, которые не имеют своей целью нормативный анализ (социология, экономика, политология). Зачем нам они? Или, пользуясь формулировкой С.К., зачем заниматься вопросами менеджмента и дизайна, там, где надо твердо свидетельствовать в пользу абсолютного идеала и говорить громкое «нет» всему тому, что ему не соответствует? На мой взгляд, это важно, поскольку одним из критериев в той сфере, которую занимает теория справедливости (шире – социальная этика), является критерий реалистичности нормативных рекомендаций. Мы можем, конечно, построить картину совершенного мира и предложить каждому действовать в мире несовершенном, как будто бы он живет там, а не здесь. Тем самым мы можем наметить перед своим читателем путь некой моральной святости. Но мне хотелось бы напомнить один примечательный фрагмент из размышлений Дж.Оруэлла о Ганди, в котором тот остро и язвительно критикует мнение о том, что «обычный человек – это что-то вроде неудавшегося святого». Это не так, заявляет Оруэлл, и я полностью согласен с ним. Полагаю, что важнейшая цель нормативной этики и центральная цель теории справедливости состоит не в том, чтобы поддерживать решимость потенциальных моральных святых, а в том, чтобы найти способы, с помощью которых наше общество могло бы стать таким обществом, в котором существовал бы баланс безопасности, свободы, благосостояния. И рассуждая о таком обществе надо понимать те ограничения, которые накладывает на нас социальная реальность в том виде, как она есть. Это, во-первых. А, во-вторых, надо разбираться в том, где мы имеем дело с фактическими ограничениями нашей практики, а где – с ее нормативными основаниями. Эти границы не всегда легко улавливаются. С

одной стороны их должны стремиться опознать сами социологи, экономисты, политологи. С другой именно мы – этики. Смещение нормативных и фактических оснований свойственно как для нас, так и для них. Распутывать узел – нам вместе. Я не утверждаю, что здесь можно достичь полной ясности, но стремиться к ясности необходимо постоянно. Важно и то, что социологи, политологи, экономисты подчас просто не чувствительны к нормативной стороне предлагаемых ими социальных стратегий. И это еще один повод для нас пребывать в сфере менеджмента и дизайна.

Каковы книжные контексты, в которых появляется важность рассуждения о фактах? Я обсуждал на недавней конференции вопрос о справедливости воздающей войны (в книге это часть 12 главы). Абстрактно ничто не мешает нам говорить о войне как наказании агрессора, однако, исходя из возможностей общественных систем, специфики самого процесса ведения военных действий и т.д., такой разговор лучше даже не начинать, поскольку движение в этом направлении ведет к пренебрежению теми целями, ради которых принципы справедливой войны сформулированы. Схожим образом, кстати, разворачивается обсуждение оправданности превентивных военных действий. Что еще? Обсуждая международную распределительную справедливость, мы оказываемся в зависимости от результатов спора о причинах положения стран третьего мира и об историческом генезисе их положения. Обсуждая государственную политику в сфере семьи и пола, нам приходится разбираться с тем, что в этой сфере действительно является основанием эффективно функционирующего общества, а что нет. Действительно ли мужчина в платье и с бородой на экране телевизора знаменует начало пути к социальному хаосу и гибели цивилизации, или же это просто знак не краха даже, а ограничения монополии какой-то частной нравственной доктрины?

И последнее: у меня непросто складываются отношения с традиционными нормативными методологиями или программами, такими как утилитаризм, деонтология кантианского типа, теория добродетели и т.д. С одной стороны я часто проявляю себя как защитник утилитаристского критерия выбора правильной линии поведения или оценки общественных институтов. И воспринимаю утилитаризм как важное проявление общей установки морали на признание равной ценности каждого человека. Без суммирования интересов невозможно реализовать такую установку в ситуациях, где задействованы многие участники с разнонаправленными предпочтениями. Вместе с тем, я понимаю всю ограниченность утилитаристской нормативной программы, всю ее противоречивость. И даже более того: ее довольно напряженные отношения именно с концептом «справедливость», поскольку в ответ на требование обеспечить суммированный интерес задействованных в ситуации лиц, как правило, возникает возражение, артикулированное в категориях возможной несправедливости таких действий. «Это в интересах большинства, но это несправедливо в отношении к меньшинству». «Это игнорирует раздельность личностей», говоря словами Ролза. Другой минус утилитаристской парадигмы касается неучета разных сторон качества человеческой жизни. Именно с этим связаны мои симпатии к концепции справедливости А.Сена и М.Нассбаум, а также к позиции католических пропорционалистов. Благополучие – довольно уязвимый суммирующий критерий. Поэтому я за комплексный подход, в рамках которого суммирование интересов усложняется применением иных нормативных критериев. Возможно, что где-то эти критерии превращаются в абсолютистские внешние ограничения, но чаще выступают в качестве факторов, влияющих на утилитаристские калькуляции. Как заметил Б.Уильямс утилитаристское человеколюбие при глубоком понимании морали должно совмещаться с другими нравственными установками. Я старался следовать этому замечанию по мере возможности и предлагать некие «совместительные проекты».